

УДК 81'25:[81'23+81'37]

**КОГНИТИВНЫЕ ДОМИНАНТЫ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ
ПЕРСПЕКТИВА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ⁷****К.И. Леонтьева**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Тамбов

Доминанты, организующие структуру сознания переводчика, рассматриваются как триггер сдвигов в социокультурной перспективе, с которой переводчик интерпретирует художественное целое. По результатам анализа параллельного корпуса выделен ряд доминант интересубъективного порядка, типично реализуемых в переводах произведений британской и американской литературы на русский язык.

Ключевые слова: когнитивная доминанта, перспектива, художественный перевод, сознание, социокультурная адаптация, антропоцентризм.

Переводная художественная литература в качестве эмпирического материала представляет интерес не только для теории перевода, но и для социокогнитивных исследований дискурса. Сравнительный анализ нескольких переводов одного произведения позволяет выявить не только специфику стратегий и идиостилей каждого из переводчиков и историческую динамику практик перевода в системе «принимающего» произведение социокультурного пространства, но и ряд диахронических сдвигов в системе моделей интерпретации мира, доминантных в структуре сознания субъектов этого социокультурного пространства на определённом историческом этапе. Поскольку *любой* художественный текст либо «продвигает», либо «свергает» подобные модели (см. [11]) об эстетиках тождества и противопоставления), в структуре произведения они либо эксплицитно профилируются через техники выдвигания, остранения и фокусирования, либо имплицитно организуют когнитивный фон, который в процессе интерпретации текста обеспечивает возможность активации профилируемых моделей. В обоих случаях указанные модели координируют (прямо или косвенно) эстетическую программу произведения и на уровне архитектуры (когнитивное измерение дискурса), и на уровне композиции (текстовое измерение дискурса).

Учитывая, что переводчик в силу медиативной природы своей деятельности работает на стыке *двух* систем социальной когниции и сам при этом является *билингвом*, мозг и общая структура сознания которого перестраиваются в процессе двуязычного опыта познания и общения, интегрируя паттерны обеих систем в *эмерджентный* бленд [30], можно предположить, что действия переводчика так или иначе и при этом в значительной степени на уровне *неявного* осознания должны координироваться моделями, значимыми в пространстве *обоих* систем социальной когниции. Эти модели, вероятно, будут находить выражение в тексте переводчика *независимо* от векторной направленности рефлексивно реализуемой им стратегии перевода (доместикация vs. фореинизация [38]). Семантические эффекты действия этих моделей, вероятно, могут проявля-

---

⁷ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00267) в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина.

ется последовательно на протяжении всего текста, а могут носить и спорадический характер. Наконец, категориальные и иные концептуальные различия, мотивированные действием указанных моделей, в разных переводах одного текста должны совпадать хотя бы частично, поскольку когнитивные модели, «знаковые» в том или ином социокультурном пространстве, относятся к структурам intersubjectively разделяемого знания и, как таковые, гипотетически должны входить в структуру гипертекста знаний конкретного переводчика как *бикультурного* билингва и носителя *специфическим* образом структурированной (за счёт двуязычного опыта) системы социокультурного знания.

Цель исследования – проверить данную гипотезу, которая вписывается в парадигму актуальных переводоведческих исследований, значительная часть которых (см. [5; 7; 12; 15; 21; 24–26; 28–29; 31; 32; 34–36; 38–40] и др.) посвящена анализу роли «знаковых концептов культуры» (signature concepts of a culture [35]) в переводе. При этом имеющиеся в арсенале теории перевода категории «пришвартованы» преимущественно к обезличенному социокультурному пространству и в «глубины» сознания переводчика как сформированной в социуме и культуре, но *операционально автономной* когнитивной системы [37] выйти не позволяют. Между тем, чтобы быть актуализированным и ретранслированным в переводе, любой знаковый в пространстве какой-либо социокультуры концепт должен обладать подобной значимостью для конкретного переводчика, структура сознания которого и должна быть в непосредственном фокусе исследователя. Реализовать подобную антропоцентрическую установку в рамках исследования социокультурных аспектов перевода позволяет понятие *когнитивной доминанты*.

В приложении к деятельности переводчика данная аналитическая категория рассматривалась в [10], где было показано, каким именно образом и посредством каких конкретных механизмов доминанты как *мета*-когнитивные по функции структуры опытного (индивидуального), но при этом социокультурно специфицированного знания организуют общую структуру концептуальной системы (гипертекста знаний [6]) переводчика, а непосредственно в акте перевода определяют 1) систему онтологически (феноменологически) выделенных для конкретного переводчика структурных свойств (аффордансов) интерпретируемых знаковых объектов (переводимый текст, текст-перевод, иницируемые текстовыми структурами образы сознания и образы действительности); 2) когнитивно выделенные структуры знания, задающие когнитивный контекст, точки референции и семантические схемы для интерпретации (восприятия, осмысления и означивания; концептуализации, категоризации и репрезентации) этих объектов в сознании переводчика и в тексте-переводе. Репрезентируемые доминантами семантические паттерны, вероятно, характеризуются *автоматизмом активации*, в связи с чем в процессе перевода возможно лишь частичное подавление их активации.

Для теории *художественного* перевода понятие когнитивной доминанты удобно потому, что эту категорию в поэтике позиционируют как конструктивный принцип художественной композиции. Доминанта образует «фокусирующий» и «специфицирующий» компонент, определяющий, трансформирующий и интегрирующий все иные компоненты произведения [23: 59] в *единую* структуру художественного *целого*. В этом целом «всегда оказывается некоторый доминирующий и господствующий момент, который определяет собой

построение всего остального» [4: 303]. Данный принцип приложим не только к оригинальному творчеству, но и к практикам художественного перевода.

В контексте *когнитивного* подхода к художественному тексту и переводу категория доминанты позволяет при моделировании учитывать *субъектный принцип* [10] динамизма, перспективности и селективности любых когнитивных процессов и принципиальную *гетерогенность* [33] intersубъективно разделяемых структур социокультурного знания, включая *знаковые* в координатах взаимодействующих на поле перевода социокультурных пространств, которые для конкретного переводчика могут обладать как *высокой* (доминантный характер), так и *низкой* (недоминантный характер) и даже *нулевой значимостью*. Подобные смещения в *субъективной выделенности* концептов культуры типичны для билингвов, чей мозг со временем формирует эмерджентные семантические коды, организованные вокруг системы ценностей и иных доминант, отличной от аналогичной по функции системы в структуре сознания монолингва. При переводе подобные смещения приводят к *социокультурной реперспективации* произведения, которая зачастую является не столько формой «этноцентристского насилия» [38] и «культурной кастрации» произведения [26], сколько побочным эффектом доминантной активации определённых нейрокогнитивных паттернов.

Эмпирический материал исследования составил корпус из 33 параллельных текстов на русском и английском языках (11 произведений американской и британской литературы, включая 1 роман, 5 рассказов и 5 стихотворений; 2 русских перевода для каждого произведения). Анализ текстов проводился *методиками дискурс-анализа в социокогнитивном ключе* – с фокусом на текстовых и семантических эффектах действия социокультурно значимых и социокультурно специфицированных моделей интерпретации мира, потенциально доминантных в структуре сознания переводчика англоязычной литературы на русский язык. Привлекались также корпусные методы исследования. По результатам анализа выделена следующая система социокультурно маркированных моделей мировосприятия, действие которых последовательно прослеживается на разных уровнях всех проанализированных нами текстов, что и позволило рассматривать их как когнитивные доминанты:

1. *Модели осмысления причинности:*

- ИРРАЦИОНАЛИЗМ (НЕАГЕНТИВНОСТЬ) vs. АНТРОПОЦЕНТРИЗМ (АГЕНТИВНОСТЬ);
- СЛУЧАЙНОЕ, НЕПРЕДСКАЗУЕМОЕ, ОПРЕДЕЛЕННОЕ;
- БОГ, СУДЬБА (ср. FATE vs. DESTINY).

2. *Поведенческие и оценочные модели, реализующие указанные модусы причинности:*

- ВОЗДЕЙСТВИЕ, ТЕРПЕНИЕ, СМирЕНИЕ vs. ДЕЙСТВИЕ, ВОЛЯ, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ;
- ПРИНУЖДЕНИЕ, СИЛА vs. СВОБОДА, ВЫБОР, OPPORTUNITY;
- ЭТИКА vs. ПРАГМАТИКА;
- ДУША, ДУХОВНОЕ, ВНУТРЕННЕЕ vs. ТЕЛО, МАТЕРИАЛЬНОЕ, ВНЕШНЕЕ;
- ЭМОЦИЯ, ОЦЕНКА vs. РАЦИОНАЛИЗМ;
- СОЦИАЛЬНОЕ vs. ИНДИВИДУАЛЬНОЕ;
- ОБЩЕЕ, СОВМЕСТНОЕ vs. ЛИЧНОЕ, PRIVACY;
- КОНФОРМИЗМ, НОРМА vs. ЕДИНИЧНОСТЬ, ТОЛЕРАНТНОСТЬ;

- ДИСТАНЦИЯ, ВЛАСТЬ, СТАТУС vs. РАВЕНСТВО;
- СТАБИЛЬНОСТЬ vs. ИЗМЕНЕНИЕ, РИСК, CHALLENGE;
- СОСТОЯНИЕ vs. ПРОЦЕСС.

Реконструированная нами система доминант в целом согласуется с результатами ряда авторитетных сравнительно-сопоставительных исследований социокультурной специфики русскоязычного и англоязычного дискурса [3; 9; 16]. На этом основании когнитивные модели, знаковые в русском дискурсивном пространстве, в списке приведены в оппозиции со схожими моделями, маркирующими англоязычный дискурс.

Как показал анализ, выделенные модели реализуются в текстах *системно* (в тесном взаимодействии и взаимосвязи друг с другом) и, что интересно, при частотном *сочетании* в рамках небольшого текстового фрагмента противоположных паттернов мировосприятия. Подобное сочетание несочетаемого провоцируют различные *эстетически значимые сдвиги в социокультурной перспективе*, организуемой для читателя художественными кодами произведения. При этом, по всей вероятности, большая часть подобных сдвигов не была инициирована переводчиками намеренно, хотя в рамках проанализированного корпуса встречается и ряд случаев намеренной идеологической адаптации, в том числе в результате возможной правки текста переводчика редактором. Семантические эффекты действия выделенной системы доминант в текстах переводов индексируются самыми разнообразными языковыми средствами и прослеживаются даже в выборе переводчиком таких, на первый взгляд, незначимых в художественной структуре единиц, как предлоги, притяжательные местоимения или приставки. Степень субъективной выделенности и значимости каждой из выделенных доминант варьируется как от переводчика к переводчику, так и на протяжении одного текста, то есть в дискурсе одного и того же переводчика во времени. При этом в разных переводах одного и того же произведения, а также в корпусе проанализированных переводов в целом прослеживается и некоторая общность концептуальных и категориальных различий, потенциально мотивированных действием анализируемых доминант, что свидетельствует об их интересно-субъективной и, как следствие, вероятной социокультурной значимости.

В целом, проведённый анализ позволил выявить *две тенденции*.

1. В переводах, принадлежащих современному хронотопу, прослеживается тенденция к *фореинизации текста*, основанной на эстетике «гостеприимства к другости» (hospitality to otherness) [31]. В рамках данной стратегии перевода в качестве *эстетических мета-доминант* для переводчика изначально выступают «чужие» паттерны интерпретации мира, трансляция которых является его приоритетной целью. Это требует от переводчика повышенного контроля аттенциональных процессов, более тщательной интроспекции при интерпретации текста, более точной рефлексивной оценки степени смысловой близости выбранных им вариантов перевода и эстетических последствий различных замен и компенсаций. Соответственно *когнитивная выделенность* «своих» паттернов мировосприятия в рамках стратегии фореинизации сознательно подавляется переводчиком.

Вместе с тем, даже в этом случае действие ряда доминант *последовательно* прослеживается во многих переводческих решениях, особенно на уров-

нях морфологии и синтаксиса. Данный результат косвенно подтверждает гипотезу, что именно грамматика как максимально автоматизированная подсистема языкового сознания прежде всего и реализует социокультурный дейксис в дискурсе, что самым субъектом дискурса при этом осознается достаточно редко [27: 1229]. Так, перевод рассказа Френсиса Скотта Фицджеральда «The Curious Case of Benjamin Button», выполненный Андреем Рудневым [20], очевидно, ориентирован на трансляцию реципиенту языковых особенностей стиля Фицджеральда и в этом плане стратегически тяготеет к вектору фореинизации. В то же время, данный текст в концентрированной форме демонстрирует и разнообразные эффекты активации ряда когнитивных доминант, которые можно рассматривать как знаковые в координатах русской системы социальной когниции, что характерно для противоположной фореинизации стратегии *доместикации*, адаптивной и ассимилятивной по своей функциональной и стилевой направленности.

2. Переводы, принадлежащие идеологически маркированному советскому хронотопу, преимущественно реализуют модели интерпретации мира, фундаментальные для русской социальной когниции. Данный тренд был ожидаем в свете доминирования в советский период доместицирующих практик так называемого реалистического перевода, ориентированных на продвижение и навязывание читателю советской эстетики и идеологии (см.: [1]), основанной именно на подобных моделях мировосприятия. Вместе с тем, всё тот же рассказ Фицджеральда в *советском* переводе Татьяны Луковниковой [19] последовательно индексирует *параллельное* действие (бленд) (1) характерных для «буржуазной» модели мира прагматико-рациональных паттернов мышления, помещающих в центр мироздания индивида как субъекта ответственного поступка, и (2) социалистических паттернов неагентивного мировосприятия, дефокусирующих индивида в социальном пространстве и ориентированных на духовное, общее и не-вещное. При этом эффект действия доминант *первого* типа в данном тексте на порядок ощутимее.

Данный результат поддерживает гипотезу о том, что система доминант в сознании билингва представляет собой достаточно непредсказуемый и причудливый бленд, который даже в качестве доминант может включать *взаимоисключающие* когнитивные модели, способные активироваться в акте перевода и координировать дискурсивные действия переводчика *параллельно*. Указанный перевод также ставит вопрос о некоторой спорности известной идеи о том, что социокультурно мотивированные сдвиги в переводе носят преимущественно *этноцентрический характер* [38] и определяются идеологической установкой переводчика, нормами перевода, литературным каноном и иными *рефлексивными* параметрами *стратегии* перевода. Спорность второго пункта этой гипотезы раскрывает перевод А. Руднева, в котором семантические сдвиги, будучи этноцентрическими, являются скорее *случайным* эффектом активации значимых для А. Руднева доминант на уровне феноменологического сознания, а не сознания-доступа, соотносимого с механизмами контроля и рефлексии.

С точки зрения роли доминант как фактора в основе социокультурной, в том числе эстетической (в части социально специфицируемого параметра художественности) реперспективации произведения примечателен перевод заглавия упомянутого выше рассказа Фицджеральда:

(1) *The Curious Case of Benjamin Button* (1922);

(1.1) Забавный случай с Бенджамин Баттоном (1968), Загадочная история Бенджамин Баттона (2015) (Т. Луковникова);

(1.2) Странная история Бенджамин Баттона (2016, А.Руднев).

Напомним, что, будучи вынесенным в самую сильную позицию текста, заглавие проспективно задаёт возможные границы перспективы, с которой субъект дискурса осмысливает текст, «как порог стоит между внешним миром и пространством художественного текста и первым берет на себя основную нагрузку по преодолению этой границы» [18: 26], задавая некоторую *исходную* доминанту смысловой, композиционной, стилистической и жанровой спецификации текста. Заглавие Фицджеральда задаёт читателю положительный вектор оценочной категоризации (*curious*) НЕОБЫЧНОГО, ЕДИНИЧНОГО и ИНДИВИДУАЛЬНОГО (*case*) – неординарной жизни Баттона – как занятого, удивительного, любопытного, вызывающего интерес, желание познать и понять (см. наиболее частотные русские соответствия для *curious* в параллельных корпусах [8; 14]). Таким образом, в эстетическом плане данное заглавие в некотором роде выполняет функцию «художественной типизации» [18: 43], реализуя значимую в западных парадигмах мышления доминанту ТОЛЕРАНТНОСТИ к отклоняющему от НОРМЫ. Данная доминанта предполагает модель мира, организованную вокруг ещё более значимой доминанты ИНДИВИД – *исходной* точки референции при осмыслении СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА, не наоборот.

В первоначальной версии перевода Т. Луковниковой (до его издательской правки, связанной с выходом в 2008 году экранизации рассказа) положительный вектор оценки необычного и фокус на единичности и индивидуальности сохранены. Вместе с тем, в качестве эквивалента *case* переводчик выбирает наиболее конвенциональное соответствие *случай* (согласно данным корпусов [8; 14]), причём *забавный случай*, *забавная история* – идиоматические коллокации. Данная лексема реализует характерный для русской системы социальной когниции и дискурсивных практик агентивно-неагентивный (*being-in-becoming* [9]) и потому во многом иррациональный модус осмысления причинно-следственных связей, при котором не человек (антропоцентрический рациональный модус), а некоторые мистические силы интерпретируются как непосредственный каузатор событий. Предлог *с* в творительной номинативной конструкции *случай с Баттоном*, где *случай* изначально помещается в первичный фокус внимания, а далее образует фон (когнитивный контекст) осмысления элемента *Баттон* во вторичном фокусе, провоцирует снижение когнитивной выделенности модели ИНДИВИД при параллельном выдвижении в фокус внимания реципиента моделей ИРРАЦИОНАЛИЗМ, СИЛА и ВОЗДЕЙСТВИЕ (ср. генетивную номинативную конструкцию *случай Баттона* с инвертированной структурой аттенционального фрейма). В результате заглавие частично реифицирует личность персонажа, который представлен в нём уже не как актер (семантические роли Агенса как инициативного субъекта ответственного поступка и Посессора как распорядителя собственной жизнью, предполагаемые генетивной конструкцией), а как пассивный экспериенцер, сочетающий объектные черты Пациенса и Инструмента/Средства (роли, наиболее характерные для русского творительного падежа) иррациональных сил (ВРЕМЯ, СЛУЧАЙ, УДАЧА, БОГ, СУДЬБА и т.п.).

Безусловно, анализируемую пассивизацию и форсирование доминант ВОЗДЕЙСТВИЕ, СУДЬБА, ТЕРПЕНИЕ и СМирЕНИЕ, можно объяснить системообразующей ролью в структуре произведения концепта ВРЕМЯ – непредсказуемой и необратимой силы, действительно недоступной полному контролю человека, которого действительно сложно рассматривать как *полноценного* распорядителя собственной жизнью. При этом, на первый взгляд, эстетической значимости этот сдвиг не имеет. Вместе с тем, как подчеркивал М. Бахтин, «смысловая установка героя в бытии, то внутреннее место, которое он занимает в едином и единственном событии бытия, его ценностная позиция в нем» обретает огромную значимость в структуре художественного целого. Эта «внеэстетическая реальность героя» фактически и образует предмет художественного видения [2: 121, 173]. С этой точки зрения, сдвиг перспективы в заглавии превращает конструируемую в произведении модель мира из вероятностной в окказиональную (о разных типах нарративной картины мира см. [17]), что отражается на структуре всего произведения как художественного целого. В частности, адъективная категоризация жизни Баттона как *забавной* смещает фокус внимания реципиента из области трансцендентного (когнитивный контекст, на фоне которого интерпретация рассказа будет несколько более адекватной) в область повседневного (об этих модусах художественного см. [13]) и при этом активизирует в сознании реципиента иные фреймы ожиданий, в результате чего рассказ может (по крайней мере, сначала) интерпретироваться как анекдотический – в модусе комизма, который в данном произведении эстетической доминантой, вероятно, не является.

Анализируемый сдвиг в перспективе вряд ли был инициирован переводчиком намеренно и может рассматриваться именно как неосознаваемый результат действия (1) ряда значимых для него когнитивных доминант, маркирующих опыт познания и общения переводчика в пространстве русской социокультуры, и (2) *когнитивного механизма социокультурного позиционирования*, реализующего в дискурсе *социокультурный дейксис*, который отражает не только и не столько физическое положение переводчика в русском социокультурном пространстве и его принадлежность к системе русской социальной когниции, сколько *уникальную* идентичность переводчика как продукта *различных*, в том числе англоязычных социокультурных практик (см.: [10]).

Ещё сильнее действие доминант проявляется в переводе А. Руднева, где НЕОБЫЧНОЕ эксплицитно оценивается как плохое (*странная*). Корпусные данные [8; 14] показывают, что наиболее частотными дискурсивными эквивалентами для негативно-оценочного прилагательного *странный* являются *strange* и *weird* (в том числе в сочетании с *case*), тогда как *curious* в большинстве случаев реализует положительную оценку, основанную на эмоциональной реакции индивида, а не социально мотивированных представлениях о не-странном, нормальном, адекватном (ср. *strange* и *weird*). Тем самым заглавие Руднева реализует такие доминанты, как НОРМА, КОНФОРМИЗМ и СТАБИЛЬНОСТЬ, предполагающие НЕТЕРПИМОСТЬ (нулевая ТОЛЕРАНТНОСТЬ) к ИНОМУ, воспринимаемому враждебно (как ЧУЖОЕ), а также к ИЗМЕНЕНИЮ, с исходной точкой референции (параметр эталона в основе оценки) в СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ, а не в сознании ИНДИВИДА. На это указывает также и выбор лексемы *история*, которая своей многозначностью «провоцирует» читателя на оценку истории

жизни отдельного человека с точки зрения и на фоне норм всего культурно-исторического опыта человечества, иерархически расщепляя фокус внимания читателя между ИНДИВИДОМ и СОЦИАЛЬНЫМ. В целом, можно полагать, что анализируемый сдвиг в перспективе, организуемой для читателя заглавием, приводит к трансформации конструируемой в произведении модели мира из вероятностной в императивную.

Примечательно также, что в заглавии А. Руднева очевидна аллюзия (механизмы интертекстуальности и интердискурсивности) к роману Роберта Льюиса Стивенсона «*Strange Case of Dr Jekyll and Mr Hyde*» (1886), в русских переводах – «*Странная история доктора Джекила и мистера Хайда*». В художественной структуре данных произведений, безусловно, прослеживаются некоторые общие черты. Так, Стивенсон *переосмысливает* традиционную для романтизма и готического романа тему двойничества, Фицджеральд – ещё более традиционную в литературе тему времени. В обоих произведениях затрагиваются темы становления, кризиса и деградации личности, предопределённости жизни и необратимости изменений во времени. Наконец, изображаемый в обоих произведениях диегетический мир – это фантазмагоричный мир гротеска, мир окказиональный, единичный и в этом смысле беспрецедентный. Однако при этом в заглавия произведений вынесены разные *оценочные* прилагательные, репрезентирующие качественно отличные модели мира, возможные только в разных парадигмах художественности. Мир Стивенсона страшный (эстетическая доминанта готического дискурса), аморальный и действительно по-плохому *странный* (*strange*), тогда как мир Фицджеральда – анекдотичный, причудливый, привлекательный, вызывающий искреннее любопытство и местами смех (*curious*).

Рассмотрим ещё один пример из этого же рассказа:

(2) *As this was an inane and unanswerable argument Benjamin made no reply, and from that time on a chasm began to widen between them.*

(2.1) *Поскольку спор был напрасным и спорить было не о чем, Бенджамин промолчал, и с этих пор между ними пролегла глубочайшая бездна* (Т. Луковникова).

(2.2) *На этот нелепый довод нечего было ответить, и Бенджамин промолчал, но с этой минуты пропасть, их разделявшая, стала еще шире* (А. Руднев).

Данный пример демонстрирует достаточно типичную для дискурса переводной литературы тенденцию к *стативизации* изображаемого в произведении диегетического мира, которую можно рассматривать как семантический эффект действия когнитивных доминант СТАБИЛЬНОСТЬ, ОПРЕДЕЛЕННОЕ и ИЗМЕНЕНИЕ, знаковых в структуре сознания субъектов русского социокультурного пространства в силу целого ряда печальных исторических событий, произошедших в стране за последние полтора века. В рассматриваемых переводах стативизация проявляется в профилировании финальной стадии события (конфликт супругов) и терминирующего его результата-состояния (*стала шире*) и гештальтном осмыслении события как целостного фрагмента опыта, недифференцированного на отдельные фазы во времени (*пролегла*). В оригинале же событие представлено в *динамике* его процессуального становления перед «ментальным зрением» [17] нарратора (*began to widen*), функцию которого переводчик призван выполнять наряду с функциями автора и читателя. Подобный сдвиг в структуре темпоральной перспективы предполагает увод в фон ИНДИВИДА

как активного, ответственного за происходящее участника события при выдвижении в фокус концептуальной характеристики РЕЗУЛЬТАТ, воспринимаемой относительно обособленно от самих участников и их действий (доминанта ИРРАЦИОНАЛИЗМ).

Сдвиг в статичный формат мировосприятия, на первый взгляд, кажется несущественным, но в художественной структуре нарративного дискурса, событийного по своей типологической доминанте [17; 22], он эстетически значим. Так, в анализируемом фрагменте в оригинальном диегетическом мире непосредственным триггером отдаления супругов (метафорическое осмысление непонимания через пространственный образ CHASM), стала одна конкретная ситуация, до которой особых проблем в отношениях супругов не наблюдалось. Такую интерпретацию проецирует избранная Фицджеральдом для событийной категоризации конструкция *began to widen* (профилирует концептуальные характеристики ПРОЦЕСС и НАЧАЛО) в сочетании с неопределённым артиклем *a* (фокусирует внимание читателя на характеристике НОВОЕ и НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ). Версия Т. Луковниковой оставляет читателю возможность подобной инференции благодаря порядку слов (*между ними пролегла*) и тому, что, несмотря на гештальтный формат интерпретации (префикс *про-*, композиционный приём сжатия и ускорения художественного времени), событие категоризировано всё же акционально – как фиктивное действие *пролегла*.

В варианте А. Руднева в результате эксплицирующей рационализации происходящего (*пропасть, их разделявшая*; когнитивные доминанты РАЦИОНАЛИЗМ и ОПРЕДЕЛЕННОЕ) реорганизуются причинно-следственные фабульные связи, и интересующее нас событие, переломное в сюжетной композиции, утрачивает свою каузирующую значимость. Происходит смещение из нарративного модуса событийности в описательный модус итеративности и, как следствие, смещения соотношения трансцендентного и повседневного в рассказе. При этом сдвиг фокуса с супругов (*them* в сильной финальной позиции) на пропасть, попадающую в центр перспективы (за счёт обособления причастного оборота *их разделявшая* и препозиции местоимения), частично снимает с супругов (либо, по крайней мере, с Баттона) *обоюдную* ответственность за крах отношений, что в очередной раз демонстрирует склонность переводчика к мышлению неагентивными категориями, характерными для прецедентной и частично окказиональной картины мира. Наконец, в варианте Руднева происходит расширение границ и пространства диегетического мира: причастие *прошедшего* времени отсылает к каким-то более ранним событиям (flashback), в результате которых супруги отделились друг от друга. В итоге незначительная языковая трансформация приводит к нарушению принципа отграниченности художественной композиции, в которой эстетически значимо не только то, что оказывается включенным в текст и пространство диегетического мира, но и мир, исключаемый из изображения [11: 295; 17: 38-39].

Анализируемый пример интересен также тем, что в переводах при общей тенденции к некоторой стативизации повествования реализованы ещё два контрарных формата интерпретации нарративного опыта – эмоционально-вовлеченный и рационально-хроникерский, предполагающие полярные техники языковой перспекивации диегетического мира – субъективацию и объективацию. Так, характе-

ристика *бездны* как *глубочайшей* (прилагательное в превосходной степени), реализующая доминанты ЭМОЦИЯ, ОЦЕНКА и НОРМА, отражает личную вовлеченность переводчика в интерпретируемый мир и, возможно, самоидентификацию переводчика не с нарратором, текстовую функцию которого он призван выполнять, а с одним из персонажей. Текст Т. Луковниковой последовательно «намекает», что это сам Бенджамин, что несколько неожиданно в свете гендера переводчика.

Версия А. Руднева, напротив, тяготеет к формату хроникерского повествования, что неудивительно, поскольку нарратор Фицджеральда эксплицитно избирает именно позицию «внепричастного» [2] хроникера (*the astonishing history I am about to set down; I shall tell you what occurred, and let you judge for yourself*), признавая при этом потенциальную ненадежность и ограниченность своего знания (*so I am told, whether ... will never be known*). В рамках хроникёрского формата перспективации описанная выше попытка рационализации происходящего (*пропасть их разделявшая*) выглядит вполне закономерной. Во фрагменте (2.2) данный формат проявляется в детализации темпорального дейксиса через рекатегоризацию на субординатном уровне (*that time – с этой минуты*, ср. *с этих пор*). Тем не менее, избежать субъективной вовлеченности в повествование и повествуемое А. Рудневу также не удастся, о чем свидетельствует эгоцентрический сдвиг временных дейктических координат (*с этой минуты*) и количественная оценка изменения ширины пропасти (*ещё шире*). В целом, анализ показал, что подобную эмоционально-оценочную вовлеченность переводчика можно рассматривать как универсалию художественного перевода, что закономерно, поскольку без активного «вчувствования» читателя (*социокогнитивный механизм эмпатии*, также координируемый доминантами) в универсум художественного дискурса последнего в принципе не существует.

В целом, проведённый анализ показал, что понятие когнитивной доминанты может стать достаточно эффективным инструментом анализа когнитивных предпосылок социокультурной реперспективации произведения при переводе. Данная категория позволяет моделировать деятельность переводчика как форму *одновременно* индивидуальной, социальной и культурной когниции *без* «растворения» переводчика в деперсонализированной социокультуре и *при учёте* (хотя бы частичном) роли функционально значимых в структуре сознания переводчика, но явно *не осознаваемых* в процессе перевода нейрокогнитивных паттернов, многие из которых, несмотря на опытную субъективную природу, формируются под действие социокультурных практик. В части учёта когнитивного «бессознательного» категория доминанты реализует метафору айсберга Эрнеста Хемингуэя: видимой верхушкой айсберга в данном случае будут текстовые сдвиги, анализ которых на предмет потенциально мотивировавших их доминант позволяет приоткрыть завесу в «глубины» когнитивных процессов и структур в сознании переводчика, в полной мере недоступных ни интроспекции (переводчик), ни стороннему наблюдению (исследователь). В свою очередь, в рамках моделирования когнитивных механизмов художественного перевода понятие когнитивной доминанты позволяет учитывать нарративные и иные художественные коды произведения.

Список литературы

1. Азов А.Г. Поверженные буквалисты: Из истории художественного перевода в СССР в 1920-е–1960-е годы. М.: ВШЭ, 2013. 304 с.

2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
3. Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянских культур, 2011. 568 с.
4. Выготский Л.С. Психология искусства. М.: РИПОЛ Классик, 2019. 528 с.
5. Галеева Н.Л. Перевод в лингвокультурологической парадигме исследования. Тверь: ТвГУ, 2011. 172 с.
6. Залевская А.А. Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2014. 328 с.
7. Иовенко В.А. Национально-культурное мировидение в переводческом измерении. М.: МГИМО, 2013. 218 с.
8. Контекстный словарь Reverso context [Электронный ресурс]. URL: <https://context.reverso.net> (дата обращения: 10.10.2019).
9. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: ЯСК, 2009. 258 с.
10. Леонтьева К.И. Доминантный принцип перевода и механизмы его реализации в дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4. С. 37–46.
11. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. СПб.: Азбука, 2016. 704 с.
12. Масленникова Е.М. Художественный перевод: модели и моделирование. Тверь: ТвГУ, 2012. 184 с.
13. Миловидов В.А. Металингвистика повседневности // Гуманитарные аспекты повседневности: проблемы и перспективы в XXI веке : сб. науч. тр. Воронеж: Наука-Юни-пресс, 2019. С. 20–27.
14. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 10.10.2019).
15. Огнева Е.А., Моисеева С.А. Художественный текст как объект межкультурной адаптации. Белгород: БелГУ, 2003. 207 с.
16. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. М.: Слово, 2008. 344 с.
17. Тюпа В.И. Введение в сравнительную нарратологию. М.: Intrada, 2016. 145 с.
18. Фатеева Н. Синтез целого: на пути к новой поэтике. М.: НЛО, 2010. 352 с.
19. Фицджеральд Ф.С. Загадочная история Бенджамина Баттона / Пер. с англ. Т. Луковниковой. СПб.: Азбука, 2014. С. 5–39.
20. Фицджеральд Ф.С. Странная история Бенджамина Баттона // Сказки века джаза / Пер. с англ. А. Руднева. М.: РИПОЛ-Классик, 2015. С. 521–547.
21. Чайковский Р.Р., Вороневская Н.В., Лысенкова Е.Л., Харитонов Е.В. Художественный перевод как вид межкультурной коммуникации. Основы теории. М.: Флинта: Наука, 2016. 224 с.
22. Шмид В. Нарратология. 2-е изд., испр. и доп. М: ЯСК, 2008. 304 с.
23. Якобсон Р.О. Доминанта / пер. И. Чернова // Хрестоматия по теоретическому литературоведению. Тарту, 1976. Т.1. С. 56–63.
24. Angelelli C.V. (ed.) The Sociological Turn in Translation and Interpreting Studies. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2014. 140 pp.
25. Bassnett S., Lefevere A. (eds.) Constructing Cultures: Essays on Literary Translation. Clevedon: Multilingual Matters, 1996. 168 pp.
26. Bernárdez E. A Cognitive View on the Role of Culture in Translation // Cognitive Linguistics and Translation. Berlin: De Gruyter, 2013. Pp. 313–338.
27. Dirven R., Polzenhagen F., Wolf H. Cognitive Linguistics, Ideology, and Critical Discourse Analysis // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics. Oxford: Oxford University Press, 2007. Pp. 1222–1240.
28. Harding S.A., Cortés O.C. (eds.) The Routledge Handbook of Translation and Culture. London/New York: Routledge, 2018. 644 pp.
29. Hermans T. Translation in Systems: Descriptive and system-oriented approaches explained. London/New York: Routledge, 1999. 196 pp.

30. Kroll J.F., Dussias P.E., Bice K., Perrotti L. Bilingualism, Mind, and Brain // Annual Review of Linguistics. 2015. Vol. 1. Pp. 377–394.
31. Maitland S. What Is Cultural Translation? London/New York: Bloomsbury Academic, 2017. 192 pp.
32. Pym A. Exploring Translation Theories. London: Routledge, 2017. 178 pp.
33. Sharifian F. Cultural Conceptualisations and Language: Theoretical Framework and Applications. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2011. 238 pp.
34. Toury G. Descriptive Translation Studies and Beyond. Rev. ed. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2012. 311 pp.
35. Tymoczko M. Enlarging Translation, Empowering Translators. Manchester: St. Jerome, 2007. 362 pp.
36. Tyulenev S. Translation and Society: An Introduction. London/New York: Routledge, 2014. 210 pp.
37. Varela F.J., Thompson E. T., Rosch E. The Embodied Mind: Cognitive science and human experience. 2nd ed. Cambridge: MIT Press, 2017. 392 pp.
38. Venuti L. The Translator's Invisibility: A history of translation. London/New York: Routledge, 1995. 353 pp.
39. Vorderobermeier G. M. (ed.) Remapping Habitus in Translation Studies. Amsterdam/New York: Rodopi, 2014. 237 pp.
40. Wolf M., Fukari A. (eds.) Constructing a Sociology of Translation. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2007. 226 pp.

COGNITIVE DOMINANTS AND SOCIOCULTURAL PERSPECTIVE IN LITERARY TRANSLATION

K.I. Leontyeva

Derzhavin Tambov State University, Tambov

The article discusses the impact of cognitive dominants, which the translator's knowledge hypertext is structured around, as the trigger of shifts in the sociocultural respective, which the translator construes the literary whole from. A set of dominants of intersubjective nature, continuously instantiated in Russian translations of British and American literature, is outlined based on a parallel corpora study.

Keywords: *cognitive dominant, perspective, literary translation, cognition, sociocultural adaptation, anthropocentrism.*

Об авторе:

ЛЕОНТЬЕВА Ксения Ивановна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Сетевого научно-образовательного центра когнитивных исследований, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, e-mail:ksenja_leontieva@mail.ru